

БОРИС ФЕДОРОВИЧ ЛОМОВ

ОРГАНИЗАТОР И РУКОВОДИТЕЛЬ ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ В СИСТЕМЕ АКАДЕМИИ НАУК (1927—1989)

Анализ творческого пути Б.Ф. Ломова, его места в истории отечественной психологической науки позволяет выделить и изучить наиболее важные вехи в его научной и организационной деятельности, отражающие логику становления и развертывания системы его научных идей, взглядов, подходов. С его именем прочно связаны существенные достижения в области исследования общепсихологических закономерностей функционирования психики, ее регуляторных и коммуникативных аспектов, разработки проблем инженерной и педагогической психологии, углубления методолого-теоретического базиса психологической науки. Новаторский характер мышления Ломова позволил ему выдвинуть новые, оригинальные идеи в разных разрабатываемых им областях психологии. Это касается прежде всего обоснования системной методологии психологии, разработки ряда перспективных проблем и направлений психологической науки — космической психологии, психологии управления, проблем общения, отражения, антиципации, психической регуляции и т. д.

Б.Ф. Ломов являлся не только блестящим ученым, но и талантливым организатором. Он был одним из наиболее крупных лидеров советской психологии 60—80-х гг., создателем первой в СССР инженерно-психологической лаборатории, первым деканом факультета психологии ЛГУ, организатором первого в системе

Академии наук СССР психологического института, президентом Общества психологов СССР, основателем и первым главным редактором «Психологического журнала» и первой кафедры психологии управления в Академии управления при Совмине СССР и др. В его лице удачно сочетались и взаимодополняли друг друга глубокий теоретик, ученый-экспериментатор, психолог-практик, организатор и руководитель науки. Именно этим, по-видимому, в значительной мере объясняется тот яркий след, который он оставил в отечественной психологии и смежных с нею дисциплинах.

Выйдя из стен ленинградской школы психологии и сохраняя верность ее традициям, Ломов в то же время был тесно связан с жизнью московского психологического сообщества. Более того, именно в «московский период» его талант ученого и руководителя проявился во всем блеске и полноте. Вершиной творческого пути Бориса Федоровича стало создание Института психологии АН СССР.

Возникновение научного психологического центра в системе Академии наук было подготовлено всем предшествующим развитием психологической науки в СССР, той созидательной ролью, которую она играла в жизни советского общества. Как известно, судьба психологии в СССР была чрезвычайно сложной. Значительные достижения 20—30-х гг. сопровождались закрытием ряда направлений, сворачи-

ванием как теоретических исследований, так и практической деятельности психологов. В годы Великой Отечественной войны психология закрепила высокий научный потенциал, обеспечив эффективное решение широкого круга актуальных проблем, связанных с функционированием психики и поведением человека в экстремальных условиях. Своеобразным признанием психологической науки стало открытие в 1945 г. руководимого С.Л. Рубинштейном первого психологического подразделения в системе Академии наук — сектора психологии в Институте философии АН СССР. Война, сложные годы послевоенного восстановительного периода, техническая революция в народном хозяйстве, начавшаяся в конце 50-х гг., подтвердили необходимость всемерной актуализации человеческих резервов как важнейшего условия эффективного развития. В этой связи еще более четко обозначились практические задачи психологии, стимулировавшие дальнейшее углубление фундаментальных разработок и возникновение разветвленной сети прикладных отраслей психологии.

К началу 70-х гг. психологическая наука была представлена в нашей стране двумя институтами в системе Академии педагогических наук, специализировавшимися на разработке проблем возрастной и педагогической психологии, тремя факультетами психологии, рядом психологических кафедр в педагогических вузах и региональных ведомственных исследовательских центров. Подобная структура явно не отвечала требованиям жизни; назрела необходимость организационного укрепления психологии, создания ряда новых психологических центров, в их числе — института в большой Академии наук.

Идея создания в рамках АН СССР института, разрабатывающего проблемы человекознания, к этому времени осознавалась и разделялась многими известными учеными, среди которых можно назвать академиков П.К. Анохина, А.И. Берга, П.Л. Капицу, П.Н. Федосеева и других. Немалую роль здесь сыграло знаком-

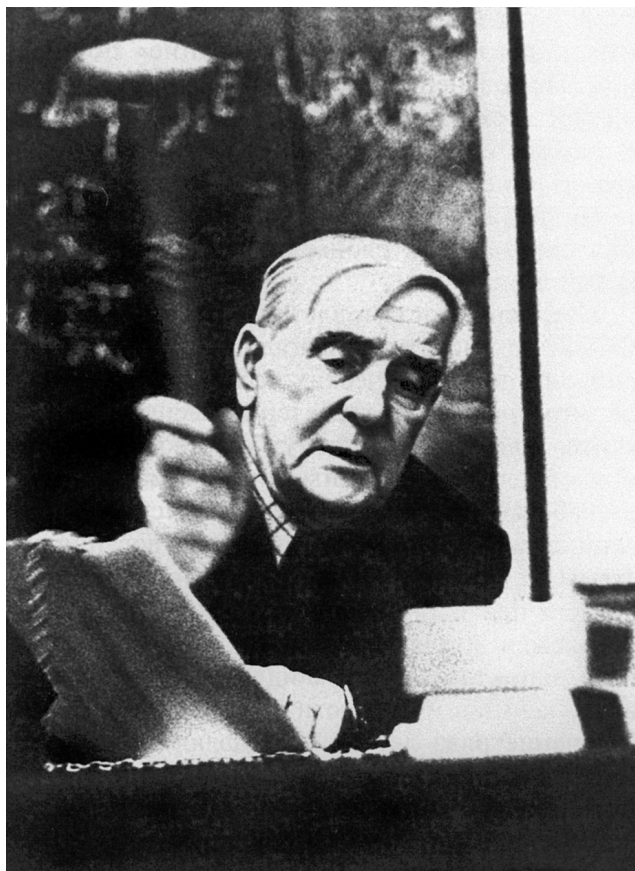
ство с результатами деятельности Сектора психологии в Институте философии АН СССР: проводившиеся его сотрудниками фундаментальные исследования подтверждали высокий научный статус психологии, вызывая интерес к новой области академической науки. Конечно, самое живое участие в реализации идеи создания института приняли ученые-психологи.

Объективная потребность нуждалась в усилиях определенной личности. В первую очередь речь шла о человеке, способном осуществить назревшую потребность. И хотя в то время в советской психологии было много ярких и авторитетных ученых, столь почетная и ответственная миссия была возложена на Б.Ф. Ломова.

Чем же был продиктован этот выбор? Прежде всего особенностями личности и высоким

П.Л. Капица

профессиональным статусом Ломова. Его сильными сторонами были: авторитетность как ученого, создавшего фундаментальные труды в области общей, инженерной и педагогической психологии; признание его в качестве бесспорного лидера отечественной инженерной психологии; имеющийся у него значительный опыт научно-организационной работы; характерная для него научно-практическая ориентированность, умение видеть, формулировать и решать прикладные психологические задачи, организовывать продуктивное взаимодействие психологов с представителями различных областей практики. Известно, например, что Ломов активно контактировал с академиком А.И. Бергом, неоднократно встречался с М.С. Келдышем, работал с рядом космонавтов, военачаль-

ников, руководителей промышленности. К этому необходимо добавить присущие ему комплексность мышления, высокую эрудицию как в психологии, так и в смежных с нею науках, энергию и инициативу, огромное человеческое обаяние. Все эти качества в полной мере развернулись в годы работы Б.Ф. Ломова в Институте психологии. Для него самого это был чрезвычайно значимый, наполненный творческим поиском, богатый научными достижениями и организационными свершениями период, связанный с воплощением мечты (мысль о создании института в системе Академии наук Ломов высказывал еще в 50-е гг.). Это был тот случай, когда дело становится в подлинном значении этого слова главной целью и смыслом жизни и личность в своем творчестве достигает максимального расцвета.

Создание нового института потребовало разработки концепции и стратегии его развития, определения основных направлений исследования, осуществления ряда организационных мероприятий. Для Ломова легче всего было бы ориентироваться на инженерно-психологическую тематику и прикладные исследования. Во-первых, это была та область психологии, задачи и перспективы которой он знал чрезвычайно глубоко, мог быстро организовать и возглавить эффективную, отвечающую современным требованиям науки исследовательскую деятельность. Во-вторых, именно прорыва в новых, практически ориентированных областях психологии, активного внедрения данных психологической науки в практику ждали от института инстанции, санкционировавшие его создание. Следует, наконец, учесть также чрезвычайно высокий объективный статус инженерно-психологических разработок, возрастание их роли и значения в структуре науки и общественной практики, расширение сфер исследования и углубление познания в данной области. Инженерная психология, по сути, перерастает в эти годы рамки отдельного научного направления и превращается в масштабное комплексное обществен-

ное движение, объединяющее ученых и практиков разных профилей.

Ломов не воспользовался этой беспроигрышной, наиболее комфортной для него, легко осуществимой стратегией. Он избрал другой путь — путь трудный, непроторенный, сопряженный с риском неудач и разочарований. Он решает создать комплексный институт с многоотраслевой структурой, с фундаментально-прикладной ориентацией. По существу, речь шла о возрождении в новых условиях идеи организации института человека, у истоков которой стоял В.М. Бехтерев и его ученики. Поэтому в качестве задач института, формальной датой возникновения которого стало соответствующее постановление Президиума АН СССР от 16 декабря 1971 г., были определены следующие: 1) разработка фундаментальных проблем психологии и теоретических основ ее прикладных разделов; 2) исследования в области социальной психологии и психологии личности; 3) изучение психологических проблем труда, творческой деятельности людей, процессов управления современной техникой; 4) разработка материальных основ психики. Соответственно в структуре института было представлено четыре основных направления: 1) общая психология (теоретическая и экспериментальная), 2) социальная психология и психология личности, 3) инженерная психология и психология труда, 4) нейрофизиологические основы психики. При этом учитывалось не только прикладное значение разработок в указанных областях, но и то, что именно в них, по мнению Ломова, «фундаментальные проблемы психологии выступают в наиболее острой форме».

Институт разворачивался буквально с нуля. На начальном этапе пришлось проделать большую работу, включающую и подбор специалистов, и составление конкретных планов научных исследований, и разработку научно-технической политики, и оснащение экспериментальных подразделений, и «выбивание» помещений. Ломов непосредственно участвовал в

решении всех этих больших и малых вопросов. В памяти сотрудников института навсегда сохраняются первые субботники, на которых вместе со всеми как-то очень весело, азартно, заражая окружающих своим настроением, работал Б.Ф. Ломов.

Согласно постановлению Президиума АН СССР, на институт возлагались функции координации психологических исследований в стране, что определяло характер и масштаб его научных контактов. Институт участвовал в крупных общегосударственных программах, будь то разработка проектов отраслевой психологической службы, программ совершенствования системы подготовки и переподготовки кадров в области психологии или формирование пакетов предложений для директивных органов по разным аспектам жизни общества. Душой всех этих начинаний в институте был Б.Ф. Ломов. В течение ряда лет он возглавлял экспертный Совет ВАК в области психологии и педагогики. Ломов был одним из инициаторов создания при Президиуме АН СССР Научного совета по проблемам человека. Горячо ратовал он за организацию сети филиалов — практических центров института в разных регионах.

Особое внимание и интерес к людям, доброжелательность и открытость, отсутствие снобизма известного ученого, сочетающиеся с высокой принципиальностью, надежностью, умением взять ответственность на себя, помогали ему легко устанавливать контакты с разными людьми, независимо от их возраста, профессиональной и национальной принадлежности. Люди доверяли ему, обращались за советами и помощью и всегда находили горячий отклик и участие.

Огромным авторитетом пользовался Б.Ф. Ломов и среди зарубежных коллег. В значительной мере благодаря его усилиям институт стал центром притяжения психологов разных стран мира. Ломовым было сделано очень многое для того, чтобы преодолеть изолированность советских психологов от мирового психологического сообщества, наладить продук-

тивные научные контакты, оперативный обмен психологической информацией. По его инициативе организовывались разнообразные по тематике международные совещания и конференции, разрабатывались долгосрочные проекты совместных исследований, осуществлялся обмен специалистами. Фактом международного признания института и авторитета его директора было избрание Б.Ф. Ломова вице-президентом Международного союза психологической науки. В общении с иностранными коллегами Ломов всегда подчеркивал достижения отечественной психологии, пропагандировал ее богатую историю. Это было не идеологической акцией, а, скорее, проявлением гордости за свою науку. Вместе с тем это не мешало Ломову с огромным интересом и вниманием относиться к идеям, подходам зарубежных авторов. Он был соавтором многих международных научных трудов, при его деятельном участии были переведены на русский язык и изданы у нас интересные работы зарубежных авторов (Ф. Кликса, Р. Аткинсона и др.).

Удивительно тепло, заботливо и в то же время требовательно относился Ломов к научной молодежи, которая составляла, пожалуй, одну из наиболее приоритетных групп его общения. Он искренне радовался успехам начинающих ученых, давал им дельные, всегда очень точные советы, привлекал к решению больших и ответственных задач. Советы и подсказки он делал очень деликатно, не смущая сотрудника и не снижая его самооценки. И если критика в его устах была мягкой и тактичной, то похвала, как правило, эмоциональной, бурной. Это окрыляло, запоминалось навсегда. Те прогнозы, который Б.Ф. Ломов высказывал относительно возможностей и перспектив молодых сотрудников, в большинстве случаев впоследствии подтверждались жизнью. В каждом человеке он находил лучшее, наиболее сильную его сторону и в общении с ним апеллировал именно к этой стороне личности, не обращая порой внимания на недостатки. Иногда даже казалось, что в отно-

шении с людьми он чересчур либерален. Отвечая на такого рода упреки, он говорил всегда с огромной убежденностью: «Необходимо работать с теми людьми, которые есть. Не надо ждать, что появятся какие-то идеальные сотрудники». За этим скрывался подлинный гуманизм, признание за каждым человеком права оставаться самим собой. Конечно же, такое отношение к людям не могло не вызвать ответного с их стороны отклика. Бориса Федоровича не только глубоко уважали, но и искренне любили. Между собой в коллективе его называли кратко и как-то очень тепло, по-домашнему: Б.Ф.; указывая место своей работы, говорили: «Я из ломовского института», — и в этом тоже отражалось отношение к нему как к чрезвычайно значимому и близкому человеку и в то же время учителю, лидеру, являющему собой своеобразный нравственный образец, критерий высокой человечности и порядочности.

Интегрирующая роль Б.Ф. Ломова особенно четко проявлялась в том, как он руководил научной жизнью коллектива института. Выдвинутые и развиваемые им научные идеи стали тем прочным фундаментом, на котором базировалась и от которого отталкивалась научная деятельность всех подразделений института. Ломов был бесспорным научным авторитетом в коллективе. Все нити управления он держал в своих руках и в то же время не только не препятствовал, но, наоборот, поддерживал различные направления и течения, представленные в институте. А в стенах института работали последователи и ученики Б.Г. Ананьева, П.К. Анохина, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, А.А. Смирнова и т. д. И каждому было дано право работать в русле принятой парадигмы. Высокая научная принципиальность и сложившаяся система взглядов сочетались у Ломова с достаточной толерантностью к различным взглядам, стремлением преодолеть искусственные околонучные барьеры, существовавшие между ними. В итоге вокруг него начала формироваться специфическая научная школа, стержневыми принци-

пами которой являлись: целостный системный и комплексный подход в исследовании психических явлений, опора на исторические научные традиции, расширение категориальной базы психологии, единство теории, эксперимента и практики.

Разработка принципа системности и отвечающего ему системного подхода в психологии является наиболее крупным вкладом Б.Ф. Ломова в развитие методологии и теории психологической науки.

Системность не была для Б.Ф. Ломова чем-то внешним, заимствованным, тем более модой; она составляла суть его мировоззрения и наиболее яркую черту мышления. Стремление к целостному видению Человека, учету разнообразных форм его отношений с миром непосредственно отвечало и традициям школы В.М. Бехтерева—Б.Г. Ананьева, к которой Б.Ф. Ломов принадлежал.

Б.Ф. Ломов всегда подчеркивал преемственность развиваемых им идей и многообразие возможных вариантов системных исследований (близкими, например, он считал подходы Д. Ковача и Д. Магнуссона). Его собственный вариант базировался на ряде источников, наиболее значимыми из которых являются:

1) философско-методологические разработки принципа системности, выполненные В.П. Кузьминым¹;

2) принцип детерминизма в психологии и механизм «анализа через синтез», разработанные С.Л. Рубинштейном²;

3) представления о системной организации психических процессов и функций человека, а также принципы комплексности исследований, сформулированные Б.Г. Ананьевым³;

4) теория функциональной системы П.К. Анохина⁴;

5) концепция свойств нервной системы, предложенная Б.М. Тепловым⁵ и В.Д. Небылицыным⁶, и некоторые другие.

По существу, Б.Ф. Ломов аккумулировал системные идеи и наработки, разбросанные по различным областям психологии и смежных с ней дисциплин, а сам принцип системности использовал в качестве стержневого инструмента психологического познания.

Б.Ф. Ломов исходил из того, что психические явления включены во всеобщую взаимность процессов материального мира и выражают уникальное единство разнообразных качеств живых организмов. Психическое открывается как отражение действительности и отношение к ней, как функция мозга и регулятор поведения, как природное и социальное, сознательное и бессознательное. Психика объективно выступает как многомерное, иерархически организованное, динамическое целое — система, функциональные компоненты которой онтологически неразделимы. С этой позиции предметом психологического познания оказывается системогенез психики, а главная задача психологической науки формулируется как выявление законов организации и развития интегральных психических образований.

«Точкой приложения» системного подхода у Б.Ф. Ломова является не только психика (онтологический аспект), но и процесс ее познания (гносеологический аспект). Он предстает как развитие многомерной системы, компонентами которой выступают принципы, законы, категории, понятия и методы исследования.

¹ Кузьмин В.П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1980.

² Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М., 1957; *его же*. Проблемы общей психологии. М., 1973.

³ Ананьев Б.Г. Психология чувственного познания. М., 1960; *его же*. Избранные психологические труды: В 2 т. М., 1980.

⁴ Анохин П.К. Очерки по физиологии функциональных систем. М., 1975; *его же*. Философские аспекты теории функциональной системы. М., 1978.

⁵ Теплов Б.М. Избранные труды. М., 1985. Т. 1, 2.

⁶ Небылицын В.Д. Основные свойства нервной системы. М., 1966.

Так, категориальный аппарат науки рассматривается Б.Ф. Ломовым как совокупность взаимозависимых понятий, раскрывающих предмет психологии в его существенных связях и отношениях. Любая отдельная категория фиксирует лишь один из аспектов исследуемой реальности, один из возможных «срезов» объекта и имеет ограниченную сферу применения. Попытки рассмотреть все многообразие психических явлений через «призму единственной категории неизбежно ведут к смазыванию различий между ними; закрывается возможность исследования и их реальных взаимосвязей и взаимопереходов»⁷. Именно система базовых категорий (сюда включаются категории отражения, деятельности, личности, общения, а также понятия «биологическое» и «социальное») позволяет реконструировать «объемное» целое, раскрыть психические явления в тех связях и отношениях, в которых они реально существуют в действительности. Через отнесенность к системе категорий психологические понятия занимают определенное место в структуре конкретно-научного знания, приобретая необходимую строгость.

Определенным итогом системного анализа психологического познания выступают представления Б.Ф. Ломова об уровнях исследования человека и его психики. На предельно высоком уровне человек рассматривается в системе общественных отношений и изучается как личность или относительно самостоятельная общность людей. Предметом исследования становятся развитие личности и социально-психологические явления. Это основной уровень «работы» социальной психологии, который связывает психологическую науку с общественными дисциплинами. На предлежащем уровне человек (личность) анализируется с точки зрения собственных свойств, структуры и динамики, в контексте

деятельности, непосредственного общения и поведения. Данный уровень является доминирующим для инженерной психологии и психологии труда, возрастной и педагогической психологии и связывает психологическую науку с техническими и педагогическими дисциплинами. Более низкий уровень характеризуется изучением процессов и состояний человека: его восприятия, мышления, памяти, эмоций и т. д., которые образуют ядро общей психологии. Исследования этого уровня реализуют связь психологии с фундаментальными науками, такими, как физика (психофизика) и математика (математическая психология). Наконец, самый низкий уровень фиксирует «нишу» исследований нейродинамики или физиологического обеспечения психических процессов и связывает психологическую науку с нейрофизиологией и комплексом наук биологического цикла. Описанная иерархия психологических исследований представляет интерес в двух отношениях. Во-первых, она вскрывает способ перехода от одной научной дисциплины к другой (например, от физиологии к социологии), а во-вторых, позволяет систематизировать получаемые в психологии данные и дифференцировать закономерности, специфические для разных уровней.

Наиболее яркой иллюстрацией использования системного подхода в исследовательской практике является проблема общения. Она занимает особое место в научном творчестве Б.Ф. Ломова.

Пристальное внимание Б.Ф. Ломова к этой проблеме неслучайно: оно обусловлено общей научной ориентацией ученого. В этом выразилось его стремление максимально расширить границы и сферу исследования психической реальности. А для этого нужно было преодолеть традицию использования монометодологического основания в изучении психических

⁷ Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984. С. 396—397.

явлений, обеспечить выделение, учет и рассмотрение всех факторов, определяющих их развитие и проявления.

В советской психологии на протяжении многих десятилетий ведущим методологическим принципом был деятельностный подход. Категория деятельности рассматривалась как предельно широкая, охватывающая другие категории, фиксирующие формы человеческой активности. Деятельность трактовалась преимущественно как предметно-практическая, строящаяся по модели «субъект — объект», соответственно человеческая жизнь представляла как поток сменяющих друг друга деятельностей. Именно в контексте теории деятельности осуществлялись конкретные исследования различных психических явлений. Это позволило выявить ряд новых важных фактов и закономерностей, касающихся процессов целеполагания, мотивации, расширило представления о структурных основаниях психики. Все другие формы активности — познание, самопознание, общение, игра — рассматривались как разновидности деятельности и исследовались на основе тех схем, которые были разработаны применительно к анализу ее процесса. Своеобразным диссонансом общепринятому и практически единственному подходу прозвучали слова Б.Ф. Ломова о том, что «человеческое бытие представляет собой многокачественную и многоуровневую систему отношений человека к миру»⁸ и его описание (а равно построение системы психологического знания) невозможно осуществить, опираясь лишь на одну какую-либо категорию. Этим определялась важность введения в психологию категории общения, охватывающей особый класс отношений — отношения «субъект — субъект(ы)». В то же время это отнюдь не означало утверждения абсолютной независимости общения и деятельности. Как отмечает Б.Ф. Ломов, выделенные

две стороны жизнедеятельности неразрывно связаны друг с другом, хотя образ жизни характеризуется ими по-разному. Общение и деятельность — самостоятельные, специфические формы социальной активности субъекта, которые в реальном процессе жизни тесно связаны друг с другом, находятся в состоянии диалектического взаимовлияния. И потому неверными являются как отождествление данных понятий, сведение общения к разновидности деятельности, так и абсолютное их противопоставление, игнорирующее те реально существующие связи и зависимости, которые характеризуют процесс жизнедеятельности индивида.

В работах Б.Ф. Ломова разрушается еще одна традиция — взгляд на общение как на сугубо социально-психологическую категорию. В проблеме общения выделяется общепсихологический аспект, включающий анализ различных уровней психического отражения в контексте «субъект — субъектных» отношений. Тем самым принципиальные изменения вносятся в схему психологического эксперимента: в ней эксплицируются, становятся предметом социального изучения отношения «субъект — субъект», ранее при исследовании индивидуальной деятельности выступавшие лишь как имплицитно ей присущее.

Б.Ф. Ломов не был поклонником «свободного теоретизирования», абстрактных схем. Он шел «от объекта» и конкретных требований жизни. Генеральный принцип, которым руководствовался Б.Ф. Ломов при постановке и решении практических задач, а также при анализе соотношения прикладных и фундаментальных исследований в психологии, формулировался им как единство теории, эксперимента и практики. Разработка прикладных проблем обогащает психологию новыми данными, методами, идеями. Последние требуют соответствующего осмысления, концептуального синтеза,

⁸ Там же. С. 245.

который можно осуществить лишь на базе теории. Теоретические же разработки неминуемо выводят на эксперимент, позволяющий получать дополнительные данные и верифицировать возникающие гипотезы. Теория, эксперимент и практика замкнуты в единый цикл движения психологического знания. Соответственно и эффект этого движения всегда оказывается трояким: на «полюсе» теории — реконструкция «идеального объекта»; на «полюсе» эксперимента — новые исследовательские технологии.

Движение системы «теория — эксперимент — практика» является необходимым условием развития психологии, обеспечивающим непрерывное расширение объема совокупного знания, смену его форм и типов. Единство теории, эксперимента и практики открывается, таким образом, и как «важнейший принцип перспективного планирования психологической науки и профессиональной деятельности психологов»⁹.

Наконец, отметим еще один — этический — аспект системного подхода, о котором нередко упоминал Б.Ф. Ломов. Раскрывая перед исследователем «бездну» бесконечности познания, этот подход предполагает и определенную научную этику: свободу выбора предметной области и методов исследования, плюрализм мнений, понимание и уважение того, что сделано, делается и будет сделано другими. Превращаясь в мировоззрение, системный подход, с одной стороны, «подво-

дил» Бориса Федоровича к необходимости синтеза всего ценного, что накоплено в отечественной психологической науке, и, с другой, непрерывно поддерживал «установку на новизну», восприимчивость к зарождающимся идеям и тенденциям.

Интерес к людям, системный способ мышления, талант общения — наиболее яркие черты Бориса Федоровича, преломившись в научном творчестве, превратились в принципы психологического познания и организации деятельности Института психологии РАН.

Его жизнь в науке, с виду благополучная, непрерывно поднимающаяся «в гору», при ближайшем рассмотрении оказывается (как и любая большая человеческая судьба) неровной, в которой блестящие достижения, признание и успех сменялись незаслуженными упреками и даже обвинениями в «смертных грехах», которые он никогда не совершал. Это был человек, полностью, без остатка преданный науке, готовый жертвовать ради нее и своей репутацией, и своим здоровьем, готовый брать на себя все ее беды и трудности, человек, для которого Совесть, Благородство, Честь, Родина были далеко не просто словами. Преданность делу, высочайший профессионализм и легко различимая человечность — секрет исключительной популярности Б.Ф. Ломова как в нашей стране, так и за рубежом.

*В.А. Барabanчиков,
В.А. Кольцова*

⁹ Там же. С. 51.